

А. С. Пушкин

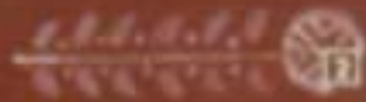
Сказка о Золотом
петушке

Художник К. Савицкий

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве

Жил-был славный царь Дадон.

Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;

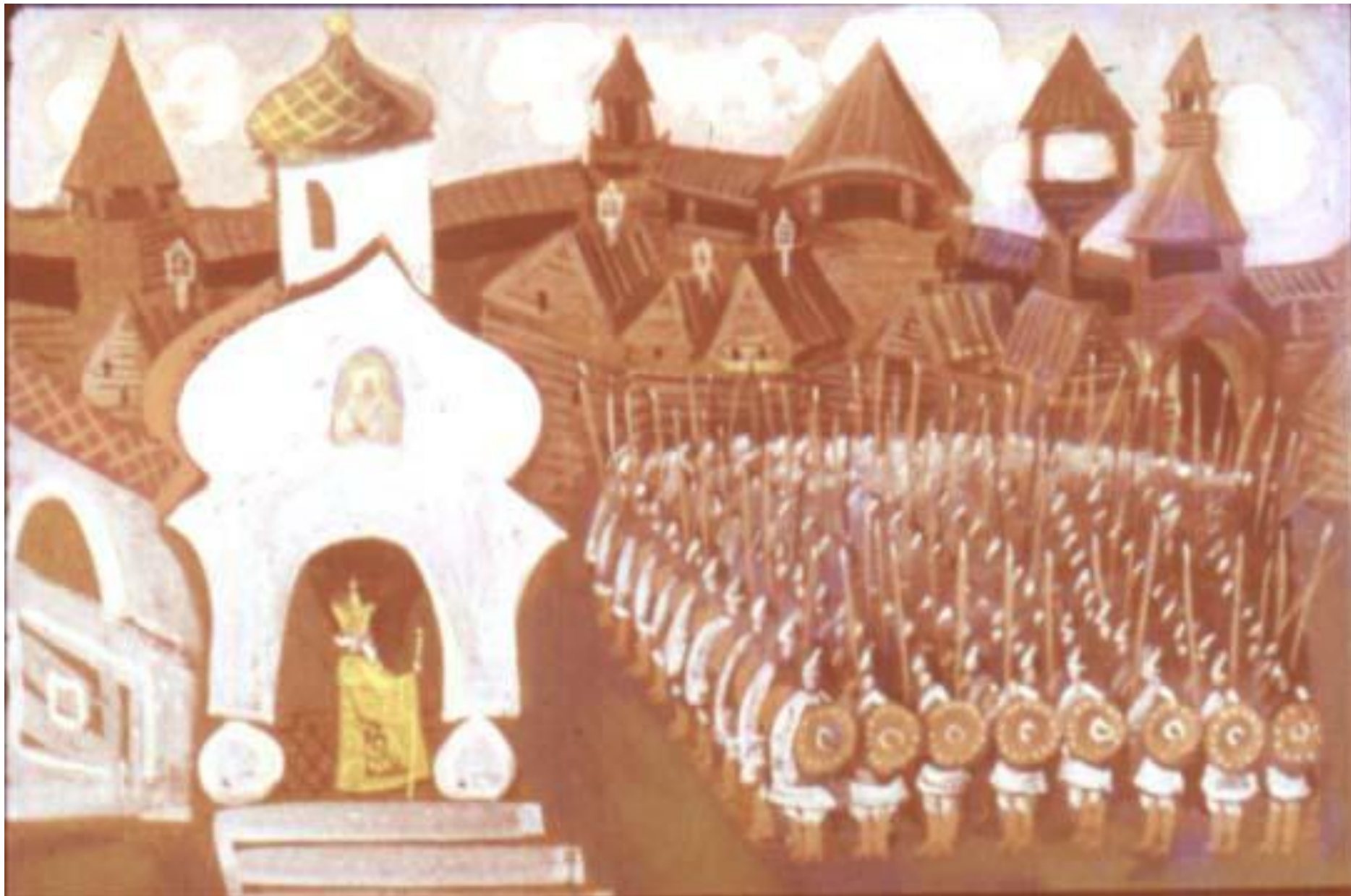
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покоем себе устроить.

Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.

Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,

Должен был он содержать
Многочисленную рать.

Воеводы не дремали, Ждут, бывало, с юга — глядь —
Но никак не успевали. Ан с востока лезет рать!

Справят здесь – лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда планал царь Дадон,

Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!

Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,

Звездочёту и снопцу.
Шлёт за ним гонца с поклоном. ^[10]

Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешна
Золотого петушна.

„Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;

Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой: [12]

Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся".

Царь снопца благодарит,
Горы золота сулит.
„За такое одолженье, —

Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою“.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.

Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнётся, встрепенётся,

И той сторонке обернётся
И кричит: „Нири-ну-ну:
Царствуй, лёжа на бону!“

И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!
Год, другой проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.

Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:
„Царь ты наш! отец народа! –

Возглашает воевода, –
Государь! проснись! беда!“

„Что такое, господа? –
Говорит Дадон, зевая. –
А?.. Что там?.. беда накая?“

Воевода говорит:
„Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице“.

Царь и оношкун – ан на спице,
Видит, бьётся петушок,
Обратившись на восток.

Медлить нечего: „Скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!“

Царь к востону войско шлёт,
Старший сын его ведёт.

Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.
Вот проходит восемь дней,

А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.

Петушок кричит опять. Сына он теперь меньшого
Кличет царь другую рать; Шлёт на выручку большого.

Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;

Петушок кричит опять; И ведёт её к востоку,
Царь сближает третью рать Сам не зная, быть ли проку.

Войска ідут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,

Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.

“Что за чудо?” – мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит

И промeж высоних гор
Видит шёлновый шатёр.

Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит.

Царь Дадон и шатру спешит...

Что за страшная картина!
Перед ним его два сына,
Без шоломов и без лат,

Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.

Бродят кони их среди луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...

Царь завыл: „Ох, дети, дети! Оба наши сонола!
Горе мне! попались в сети Горе! смерть моя пришла“.

Все завывали за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр

Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,

Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,

И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.

И она перед Дадонем
Улыбнулась – и с поклоном
Его за руку взяла

И в шатёр свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяним яством угощала,

Уложила отдыхать
На парчовую кровать.
И потом неделю ровно,

Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной

И с девицей молодой
Царь отправился домой.

Перед ним молва бежала, Под столицей, близ ворот,
Быль и небыль разглашала. С шумом встретил их народ, — 41

Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон...

Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,

Весь, как лебедь, поседелый,
Старый друг его, снопец. [43]

„А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?“

„Царь, – отвечает мудрец, –
Разочтёмся наконец.
Помнишь? за мою услугу

Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою. [45]

Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу".

Крайне царь был изумлён.
„Что ты? — старцу молвил он, —
Или бес в тебя ввернулся?”

Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?

Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?

Попроси ты от меня
Хоть назну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего!"

„Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,

Шамаханскую царицу“, —
Говорит мудрец в ответ.

Плюнул царь: „Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;

Убирайся, цел пона!
Оттащите старина!“

Старичон хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом

По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. Вся столица

Содрогнулась; а девица –
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится, знать, греха.

Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.

Вот въезжает в город он; И в глазах у всей столицы
Вдруг раздался лёгкий звон, Петушок спорхнул со спицы;

И колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, нлюнул в темя

И взвился... И в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз, — и умер он.

А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.

Сназна ложь, да в ней намён!
Добрым молодцам урон.

Конец

Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм“, 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. №7

Д-402-68

Цветной 0-30

